

С. А. ЕРЕМЕЕВА

“РЕГИСТРАЦИОННАЯ КАРТОЧКА В ОТЕЛЕ” И
“ДОКУМЕНТ ЖИЗНИ”
ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НЕКРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Статья продолжает анализ подходов к изучению некрологов в современной гуманитаристике¹. Предметом интереса в данном случае являются *postcolonial studies* и *memory studies*. И тот, и другой подход к исследованию такой культурной практики как некрологи оказываются неизбежно связанными с кросс-культурной проблематикой. При этом становится очевидной корреляция между исследовательскими подходами и национальной поминальной практикой.

Ключевые слова: некролог, постколониальные исследования, коллективная память

Попытки написать историю некрологов Нового времени стали появляться лишь недавно. Особых расхождений в хронологии событий нет.

Протестантский пастор Ханс Мадер² пишет, что первые объявления о смерти появились как деловые новости в экономической части газет и были обращены к партнерам, клиентам и кредиторам. Старейшее немецкоязычное объявление (январь 1753 г.) было опубликовано в “Ulmer Intelligenzblatt” в рубрике «Смесь новостей». Объявления о смерти широко распространились лишь после 1800 г., в течение всего следующего века демократизируясь и меняя свою экономическую природу на социальную. Традиционные христианские представления, поддерживаемые церковью, сопротивлялись подобной практике, считалось, что доверять газетам факты личной жизни непристойно. О регулярном появлении объявлений о смерти в печати можно говорить с 1830–1840-х гг.

Для Бриджит Фаулер³ этот жанр восходит к британским изданиям XVIII в., состоявшим из коротких биографий умерших достойных людей, а первые некрологи в периодической печати появились в 1731 г. в лондонском “The Gentleman’s Magazine”, где редактор Джон Николс в 1778 г. «утвердил стандарт некрологов для современности». Мирские некрологи стали «первой попыткой биографии», и не случайно их появление совпало с появлением кофеен и новой читающей публики. Пресса постепенно трансформировала культуру поминания. “The Gentleman’s Magazine” в 1785 г. передал эстафету “The Daily Universal Register”. К 1835 г. эта газета, сменившая название на “The Times”, предоставляла свои страницы многочисленным бесплатным поминаниям, сфокусированным на публичной жизни частного человека. В течение 1879 года

¹ См.: Еремеева 2019.

² Es ist echt zu bitter... 1990. S. 18, 34.

³ Fowler 2007. P. 4-10.

было напечатано 515 некрологов, однако вплоть до XX в. они представляли лишь высшую буржуазию и низшую аристократию.

Принципиальные изменения случились уже ближе к концу XX в.: авторские некрологи (“The Independent”, основанная в 1985 г.) в отличие от преобладавших прежних анонимных и новый стиль – неформальный и непосредственный – своеобразное «замогильное веселье» (“The Daily Telegraph”, 1980-е). Власть традиционного некролога была поколеблена, произошла, по словам Фаулер, символическая революция: «некрологи вышли из тесного универсума истеблишмента “The Times” в открытый космос “The Independent”». Меняется список поминаемых, появляются новые практики (например, в Америке у знаменитостей берут специальные интервью, которые публикуют только посмертно). Однако, похоже, это не столько демократизация, сколько свидетельство новой сегментации общества.

Томас Лакер⁴ упоминает как первую дату появления англоязычного объявления о смерти 1738 год, и называет характерной чертой нового жанра обращение именно к общественным заслугам покойного. Он считает, что практика вырастает из религиозной традиции поминания у протестантов (опубликованные похоронные проповеди), а также сборников примеров правильной смерти и жизни XVIII века, и развивается в XIX в. в значительной степени в квазирелигиозных объединениях (Odd Fellows, к примеру). Периодика, где появлялись некрологи, как он утверждает, могла быть и светской, и религиозной. К XX веку все чаще героями некрологов становились обычные люди (представители рабочего и нижнего сегмента среднего класса). Найджел Старк⁵ описывает примерно тот же вариант событий, хотя возводит генезис современного некролога к XVII в., когда в Лондоне в 1620-х гг., за полвека до изобретения самого слова газета, начали печататься *coranto* (отдельные листки журнала, напечатанные с двух сторон листа). 2 июля 1622 года там был опубликован рассказ о жизни и смерти павшего в битве с португальцами капитана Эндрю Шиллинга из Ост-Индской компании.

Вопрос о том, что вызвало к жизни такую форму поминания умерших понятий, вопрос о том, что поддерживает эту культурную практику сегодня, становится предметом специальных исследований.

Постколониальные исследования

Первые работы, свидетельствующие об интересе к некрологу вне западной культуры, появились в Нигерии в 1990-е гг.⁶ Лингвист и социолог Отвигбо сравнивал некрологи в нигерийских газетах с газетными некрологами Англии, Германии и Индии. Для него некрологи (объ-

⁴ Laqueur 2015. P. 405-408.

⁵ Starck 2006. P. 1-2.

⁶ Nwoye 1992; Nwoye 1993.

явления о смерти: «извещения о смерти существуют в печатном виде, в частности, в газетах и журналах, /они/ относительно короткие: как правило, состоят всего из нескольких строк»⁷) были одним из возможных источников кросс-культурных исследований. По Нвое, текст объявления о смерти подобен регистрационной карточке в отеле или квитанции о возврате подоходного налога, где личными данными нужно заполнить только пропуски в тексте матрицы. У Нвое долго не было последователей, что не помешало ему стать классиком и упоминаться теперь в библиографии каждой работы исследователей из Африки.

В 2007 г. в Нигерии была написана диссертация (PhD), основанная на газетных некрологах и ориентированная на семиотический подход⁸. Исследовательница анализировала те же структурные части объявлений о смерти (общий корпус 525 объявлений 2000–2003 гг. из 4 нигерийских газет), что и европейские социолингвисты: заголовок, преамбула, обстоятельства смерти, место, информация об умершем, фотография, статусы (социальный, религиозный, академический), пол, возраст, должность; устройство и место похорон (для христиан, мусульман и приверженцев традиционной религии), сопровождение. Однако ее внимание было сконцентрировано не на связи языка и социума, а на самом феномене коммуникации. Лингвистического (денотативного) и структурного (коннотативного) анализа, с точки зрения достижения социальной коммуникации, по мнению исследовательницы, недостаточно. Только понимание контекста ситуации, статуса и расстановки действующих лиц позволяет интерпретировать объявления о смерти как особые тексты, представляющие взгляд на жизнь, смерть и умирание, за которыми могут быть прочитаны социокультурные коды традиции, табу, верований, религии и других подобных практик.

Семиотический подход оказался для исследователей некрологов маргинальным. Однако сами исследования в третьем мире в последнее десятилетие расцвели. Они проводятся социолингвистами (хотя некролог понимается часто как коммуникативное, а не только речевое событие), опираются на разработанную методологию и, с некоторыми вариациями, один круг ссылок (Fernández, Fries, Nwoye, Eid), обязательно тем или иным способом соотносится (особенно если они публикуются на английском языке в неанглоязычных странах) с аутентичными английскими образцами – и, преднамеренно или случайно, входят в круг кросс-культурных исследований. Такие исследования проведены, на-пример, в Иордании, Гане, в Кении, в Иране, в Пакистане (малазийскими исследователями), в Шри Ланке⁹. Стратегии этих исследований лингвистиче-

⁷ Nwoye 1992. P.18.

⁸ Igene 2007.

⁹ Al-Khatib, Salem 2011; Afful 2012; Ondimua 2014; Jalilifar, Varnaseri, Saidianc, Khazaid 2014; Chaudhry, Christopher, Hariharan, Krishnasamy 2014; Herat 2014.

ские, задачи культурно-антропологические. Алгоритм работы известен: некрологи (речь, как правило, идет о корпусах из сотен текстов: Иордания – 300, Гана – 636, Кения – 356, Пакистан – 601, Шри Ланка – больше 1300) проверяются на наличие-отсутствие структурных частей (последовательность «ходов»), затем считаются проценты и делаются выводы о важности тех или иных стоящих за этим представлений; после чего проценты (указывающие на значимость тех или иных структурных частей) сравниваются по местной и британской группе и различия интерпретируются как разность культур. Выясняется, что местный материал трансформирует структуру и язык. Сама возможность представления своей культуры на чужом (английском) языке оказывается значимой, заимствованная практика некрологов работает как медиум в социальном и лингвистическом пространстве. Выводы, как правило, оказываются связаны с констатацией самобытности местной культуры¹⁰.

Если первые исследователи говорили когда-то о минимальности информации в некрологах, то на сегодняшний день те же тексты представляются источниками больших возможностей. Сегодня утверждение о том, что некролог больше, чем информация о смерти конкретного лица, – уже общее место. Перечень тех сведений, которые можно из него извлечь, становится все длиннее, а методы работы с поминальными текстами – все изощреннее. Причем если принять во внимание предложенное Фернандесом разделение на информативные и опинативные некрологи, то, несмотря на количественное преобладание исследований некрологов первого типа, все чаще проявляется интерес к некрологам, выражающим личное мнение (опинативным) – зачастую это означает переход от объявлений о смерти к полноценным пространственным некрологам. Так, группа авторов из Ирана¹¹, кроме исследования чисто лингвистических проблем, ставит вопрос о том, как реализуются межличностные связи внутри определенного социума. Пересечение культурных и языковых стратегий и выбор дискурсивных авторитетов (Коран, персидская поэзия, имам, обещавший всем помочь после смерти или кодекс свободной личности), порождающих текст, имеет не только социальный (общий), но и личностный (индивидуальный) аспект. На стыке культурных и социальных влияний рождаются новые смыслы.

Этот корпус исследовательских текстов все больше осознается как целостный текст, что видно по ссылкам авторов друг на друга. Идет по-

¹⁰ Интересно, при этом, что те черты самобытности, которые бросаются в глаза из культуры европейской (например, взаимозаменяемость, едва ли не конвертируемость Корана и Библии в арабском мире или социальные предписания по цвету траурной одежды в Гане), местными исследователями упоминаются походя, поскольку никак не соотносятся с разработанной на европейских примерах матрицей исследования, т. е. главное – показать особость, а уж ее исследование – дело другого раза.

¹¹ Jalilifar et al. 2014.

стоянно движение вглубь – выводы уточняются и наращиваются. Весьма показательна в этом отношении недавняя работа по некрологам Шри Ланки (выполнена исследовательницей из Шри Ланки, работающей в британском университете). Начав с апробации на местном материале уже известных методов, автор задается новой целью: раскрыть, как репрезентация умершего через демонстрацию желательных социальных и культурных ценностей ведет к манипулированию личной, социальной, религиозной и культурной идентичностью (как покойного, так и окружающих). Даже информативные (по Фернадесу) некрологи, оказываясь, вряд ли можно при этом назвать объективными.

Последние исследования говорят о своей культуре уже не только относительно британского образца, но фиксируют характерные черты изнутри этой самой культуры. Например, Херат пишет: «В то время как буддистские ритуалы направлены скорее на благополучие усопших, ритуалы христиан и мусульман больше предназначены для оставшихся»¹². Практика англоязычных некрологов в неанглоязычных странах становится общим языком, на котором можно сформулировать и, следовательно, сравнить представления о смерти в разных культурах. Сравнение с результатами Фернадеса (по наличию и частотности концептуальных метафор смерти) дают не только иную общую картину представлений о смерти на Шри Ланке, но и разное распределение у буддистов и у христиан. Имплицитно присутствовавшая в последних исследованиях мысль, что некрологи – текст не столько о мертвых, сколько о живых, эксплицируется, как в смысле коллективных представлений, так и на личностном уровне, представленном фигурой пишущего. «Возможность некрологов посредничать между выражением идентичности и в то же время обеспечивать комфорт, основана на факте, что тексты часто пишутся другими людьми нежели сам умерший (обычно членом семьи)»¹³.

Недавнее южнокорейское исследование¹⁴ построено по совершенно новому принципу – это сравнительный анализ коммеморативного дискурса медиа Южной Кореи, членов семей и общества в отношении 46 моряков, погибших в 2010 г. в результате торпедной атаки Северной Кореи. Складывается объемная картина взаимодействующих дискурсов различных социальных групп, не только иллюстрирующая, но и аргументирующая разность с европейским миром.

Исследование коллективной памяти (memory studies)

Еще один подход к некрологам фокусируется на коллективной памяти. На эту проблематику периодически выходят исследователи медиа, но у них она не проблематизируется, а, скорее, декларируется. Сюда же

¹² Herat 2014. P. 121.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Lee, Shim, Yoo 2014.

можно отнести исследования, связанные с аксиологией. Специально же посвящены коллективной памяти работы английской исследовательницы Бриджит Фаулер¹⁵, определяющей себя как последовательницу Бурдье. Несмотря на почти полувековую традицию исследований некрологов, она называет это поле «академически девственной территорией» (что с точки зрения темогу studies верно), и ставит своей задачей – разметить ее, правда, тут же оговаривает: поле быстро меняется (номенклатура героев, акцентные описания), и потому исследования устаревают (они касаются уже истории, а не социологии). «Революция в некрологах» (во всяком случае, в Англии и Америке), по утверждению анонимных редакторов некрологов, к которыми постоянно апеллирует Фаулер, произошла после 1970-х, когда не осталось непоминаемых (исключенных) социальных групп. Фаулер доказывает обратное: общественное поминание по-прежнему ориентировано на доминантный ценностный дискурс (элитарные группы, евроцентричность, мускулиность). Однако уже это заставляет усомниться в ее собственном утверждении, что изменения в этой области происходят быстро и однозначно.

Б. Фаулер, пожалуй, единственный исследователь, кто последовательно и обоснованно применяет понятие коллективной памяти к анализу некрологов, опираясь на работы М. Хальбвакса, В. Беньямина, П. Нора, П. Рикера. По ее мнению, некрологи являются не только формой коллективной памяти, но могут быть отнесены к «местам памяти». Сегодня некрологи резюмируют прошлое, не просто углубляясь в подробности того, кто есть кто, но – в большей степени – через воспоминание об уникальном опыте субъекта, собранном через тех, кто составлял его сообщество. Они отражают одновременно индивидуальную и конкретную, действительно непредсказуемую жизнь и представляют определенный взгляд на прошлое. Некрологи дают возможность переисследования прошлого через привлечение взгляда Другого, при этом они могут работать как на воспоминание, так и на забвение – не через фальсификацию, а через замалчивание и интерпретацию фактов. «Я бы сказала, в отношении некрологов, что смерть тех, кого мы знаем, кристаллизует индивидуальные образы памяти в их настоящем, структурирует через групповые рамки (собственно – сами некрологи есть эта процедура)»¹⁶. Но на этом работа коллективной памяти не заканчивается: процесс воспоминания только запускается таким образом и через обратную связь формируется «контур публичных исторических оценок». Некролог оказывается формой свидетельствования. В современном мире, где возможен конфликт точек зрения, некролог представляет активный ресурс для формирования и демистификации коллективной памяти (Рикер).

¹⁵ Fowler 2004; 2005; 2007; Fowler, Bielsa 2007.

¹⁶ Fowler 2007. P. 28.

Книга Фаулер посвящена памяти П. Бурдьё, у которого понятие коллективной памяти никогда не встречалось. Но, по мнению автора, оно внутренне родственно изучению некрологов, если исходить из цельной теории практик, направленных на вопросы социальной репродукции, доминирования, длительности и времени. Бурдьё представлен и как читатель, и как писатель некрологов. Исходя из этой двойной оптики, он превратил некрологи в предмет исследования (эмпирический материал, кейс). Фаулер утверждает, что основные теоретические подходы и концепты анализа некрологов обозначены логикой Бурдьё относительно самой практики, структурированности отношения к смерти и понятием коллективной памяти. Сегодня некрологи не предлагают теодицею – обоснование Бога, но они обеспечивают «социодицею» – обоснование общества. «Все проявления социального признания, которые составляют символический капитал, все формы воспринимаемого бытия, которые составляют социальное бытие, т.е. “известность”, “зримость”, славу, восхищение, привлекательность, любовь и т.д., также многие проявления благодати (харизмы), которые охраняют их, связаны с несчастьем существования без оправдания»¹⁷.

Бурдьё дал «тройственную формулу» (капитал+поле+хабитус), определившую направление интеллектуального препарирования некрологических текстов. В ее кажущейся конкретности скрывается опасность вульгаризации, то, что Фаулер называет «незаконным присвоением Бурдьё». Анализ Бурдьё (по Фаулер – «реалистический конструктивизм») предполагает учет многих оговорок и условий действия конкретных инструментов. Человек не заложник хабитуса, хотя это долговременная и стойкая структура. Хабитус – не конкретное, обусловленное правилами действие, а порождающая матрица, которая может сработать и по предписанному сценарию, а может породить новый сценарий действий на индивидуальном уровне.

Относительная автономия индивидуума реализуется в цельном поле культурного производства. Это не поле исключительно единства и не поле исключительно борьбы, это поле общей работы. Для Бурдьё более интересны некрологи, связанные со «временем вечности» (время потомства), чем те, что посвящены фигурам власти и связаны с рикеровским «монументальным» и «официальным временем». Смерть и жизнь отдельного (любого) человека есть свидетельство – это то, о чем можно говорить, через что говорит время, общество и культура. В некрологах потенциально заключена возможность на мгновение приоткрыть герметичный космос фрагментарного профессионального и экономического существования человека современности и, следовательно, противостоять отчуждающей тенденции.

¹⁷ Bourdieu 2000. P. 241. Цит. по: Fowler 2007. P. 59.

Как уверяет Фаулер, при использовании концепта коллективной памяти «анализ некрологов как нового источника документов жизни может наглядно показать, как материя индивидуальной биографии может быть интегрирована в историю»¹⁸. Масштабный анализ некрологов дает современную картину формирования новой элиты, с одной стороны, и представляет конструкции стоящих за ней ценностей, с другой. Сейчас происходит реформирование социального поля, и Фаулер интересен этот мучительный процесс смены, процесс пересмотра границ и правил публик-сферы. Фаулер показывает динамические связи между коллективным и приватным на примере некрологов, связывая измерение памяти с социальным измерением. Она проверяет, как работает коллективная память (кого мы соглашаемся помянуть), и тут же демонстрирует, как участвуют некрологи в решении социальных задач (установление границ и правил нового рая и ада). Она все время показывает сочетание личного и социального на уровне отдельного человека. Некрологи представляют богатый пласт нарративов индивидуальностей, но также – и даже больше – это объективированные и пронизательные способы социальной репрезентации, больше того – анализ некрологов разоблачает зависимость личной автономии от коллективных измышлений.

«В смерти мы – посреди жизни»

Казалось бы, уже столь развитая англоязычная практика должна оказать влияние на исследования в других странах. Но тут мы сталкиваемся еще с одной отличительной чертой этого типа текстов – исследования некрологов оказываются настолько тесно связаны с их предметом, что разные традиции поминания предполагают разные традиции понимания, и, следовательно, разные традиции изучения¹⁹.

Попытка сравнения траурной культуры на материале некрологических текстов была представлена со стороны англоязычной традиции в статье «Насколько приватна смерть?». Сравнивая некрологи в Австралии (по мнению некоторых исследователей, по типу некролога занимающей промежуточное положение между США и Англией) и Германии²⁰, авторы (безосновательно) утверждают, что мир, говорящий по-английски, имеет хорошо устоявшуюся практику некрологов в несколько сотен лет, а Германия – нет. Аргументами служит то, что 1) англоязычные газеты имеют постоянную секцию некрологов, а в Германии

¹⁸ Fowler 2007. P. 180.

¹⁹ В этом смысле показателен пример исследования объявлений о смерти в газетах Северной Европы (Naumann A.-S. The Image of Obituaries in Some Nordic Morning Papers), выполненный в Jönköping University. Исследовательница пытается использовать выработанный в англоязычной традиции инструментарий к некрологическим текстам, которые, судя по описанию, принадлежат к традиции немецкоязычной. Результаты (в смысле какого бы то ни было нового знания) оказываются минимальны.

²⁰ Josephi, Müller, Friske 2006.

они появляются по случаю на разных полосах изданий; 2) в германских учебниках журналистики нет соответствующих разделов; 3) оплаченные некрологи близких занимают гораздо больше места в немецких газетах, чем некрологи знаменитых людей. То есть немецкоязычные некрологи были замечены в англоязычном мире и... вызвали недоумение. Разность культур опознала как разность медиа.

Не пытаясь рассмотреть этот вопрос на уровне различия культурных практик, авторы ищут причину различий в законодательстве, касающемся медиа. Они отмечают, что в Австралии иск о клевете могут подавать только живые, а значит «смерть дает свободу писать о человеке то, что нельзя было сказать, когда он или она были живы»²¹. Законодательство же Германии о клевете в отношении мертвых прописано строже, их права расширены на семью, которая и определяет содержание поминания. Рассматривая разницу на конкретных примерах, авторы задаются вопросом, почему реакция на смерть солдат в Афганистане или Ираке в этих двух странах была такой различной? В Австралии на следующий день становились известны имена погибших, публиковались фотографии и подробности их жизни. В Германии же обстоятельства смерти становились известны, но имена не оглашались (официальный запрет), они не становились публичными, оставались в кругу частного. Авторы объясняют это вариациями чувствительности аудитории (несмотря на принадлежность СМИ к одной западной традиции медиа).

Подробнее описать эту разницу помогают некрологи жертв террористических атак и национальных катастроф: в статье анализируются реакции газет разных стран на гибель соотечественников в террористических актах на Бали в 2002 г. (австралийские издания), взрыве на тунисском острове Джерба в 2002 г. и при крушении Конкордии в Париже в 2000 г. (германские издания). Исследование инспирировано чтением Джанис Юм и ее мыслями о том, что «систематичное исследование некрологов дало действенный инструмент для изучения ценностей времени», не прямое и ясное отражение общества, а небольшое окно, «через которое видны и лучше понимаются социальные ценности».

Эти ценности и «вытаскиваются» из англоязычных некрологов. Поскольку та же методика на германских некрологах не работает, авторы отказывают им в принадлежности традиции и сомневаются в их правильности представлений о мире. Причины «неправильности» немецких некрологов они находят во внешнем ограничении, заданном конвенцией немецких журналистов Press Council Codes (внутренний саморегулятор прессы, задающий этический стандарт и границы возможностей вторжения в личную жизнь людей). Отчасти, правда, признается, что сам этот свод – отражение немецких представлений о приватной сфере,

²¹ Ibid. P. 32.

включающих в себя склонность к защите частного от публичного (т.е. все-таки это описание внутренних норм культуры). Однако в конце концов «виновными» оказываются законы. «Это исследование проливает свет на роль медиа-законов в журналистике разных стран, которые касаются некрологов так же, как и любых других сообщений»²². Немецкие некрологические тексты исследователям не даются: они неэмоциональные, очень общие и сдержанные, разбросаны по локальным изданиям и к ним трудно применять количественные методы; к тому же сфокусированы на событиях, а не на жертвах. Так интересно начинавшееся сравнение заканчивается банальностью: австралийцы оказались открытыми, немцы закрытыми, не доверяющими людям, да еще и кодифицирующими свое право на отдельность.

Такой опыт может служить предупреждением о применимости описанных методов в целом к российскому материалу. Но многие аналитические ходы вполне воспроизводимы и могут быть плодотворны и в отношении текстов на русском языке.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Еремеева С.А. “Окно в культуру” и “зеркало социума”: подходы к изучению некрологических текстов // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 129-145 [Eremeeva S.A. “Okno v kul'turu” i “zerkalo sociuma”: podhody k izucheniyu nekrologicheskikh tekstov // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 67. S. 129-145].
- Afful J.B.A. A Genre Analysis of Death Announcements in Ghanaian Newspapers // Language, Discourse & Society. 2012. Vol. 1. № 2. P.118-137.
- Al-Khatib M.A., Salem Z. Obituary Announcements in Jordanian and British Newspapers: a Cross-cultural Overview // Acta Linguistica. 2011. Vol. 5. №2. P. 80-97.
- Chaudhry S.M., Christopher A.A., Hariharan A.L., Krishnasamy N. Gender Discrimination in Death Reportage: Reconnoitering Disparities through a Comparative Analysis of Male and Female Paid Obituaries of Pakistani English Newspapers // Advances in Language and Literary Studies. 2014. Vol. 5. №. 2. P. 29-34.
- Es ist echt zu bitter: Todesanzeigen / ges. und kommentiert von Mader H. // Hamburg: Germa-Press. 1990. 142 s
- Fowler B. Collective Memory and Forgetting: Components for a Study of Obituaries //Theory, Culture & Society. 2005. Vol. 22. № 6. P. 53–72.
- Fowler B. Mapping the Obituary: Towards a Bourdieusian Interpretation. // The Sociological Review. 2004. Vol. 52. № 2. P. 148–171.
- Fowler B. The Obituary as Collective Memory. N.Y.: Routledge. 2007. 312 p.
- Fowler B., Bielsa E. The Lives We Chose to Remember: a Quantitative Analysis of Newspaper Obituaries // The Sociological Review. 2007. Vol. 55. № 2. P. 203–226.
- Herat M. Avoiding the Reaper: Notions of Death in Sri Lankan Obituaries // International Journal of Language Studies. 2014. Volume 8. №3. P. 117-144.
- Igene S.O. A Semiotic Study of Nigerian Newspaper Obituaries Announcements. A PhD Thesis University of Benin. Benin. 2007. URL: <https://ru.scribd.com/document/142762953/7>
- Jalilifar A.R., Varnaseri M., Saidian S., Khazaied S. An Investigation into the Genre Features of Funeral Announcements: People’s View in Social Communications in Focus // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2014. № 98. P. 747–756.
- Joseph B., Müller C., Friske H.-J. How Private a Death? Obituaries in Australia and Germany // Hungarian Journal of English and American Studies. 2006. Vol. 12. № 1/2. P. 31-45.

²² Ibid. P. 41.

- Laqueur T.W. The Work of the Dead: a Cultural History of Mortal Remains. Princeton and Oxford: Princeton university press. 2015. 710 p.
- Lee W.S., Shim J.C., Yoo J. Reflecting Absence: Representing the Extraordinary Deaths of Ordinary Sailors in the Media. // Journal of Loss and Trauma: International Perspectives on Stress & Coping. 2014. 19(5). P. 416-425.
- Naumann A.-S. The Image of Obituaries in Some Nordic Morning Papers. Jönköping University. URL: www.yasni.com/sophie+naumann/check+people
- Nwoye O. Obituary Announcements as Communicative Events in Nigeria English // World Englishes. 1992. №11. P.15-27.
- Nwoye O. The Information Load of Nigerian Death Notices // Archive Oriental. 1993. № 61. P. 195-205.
- Ondimua J. A Socio-Cultural Understanding of Death: A Genre Analysis of Obituaries in a Kenyan Newspaper // Language Matters: Studies in the Languages of Africa. 2014. Vol. 45. № 1. P. 3-22.
- Starck N. Life After Death: The Art of the Obituary. Carlton: Melbourne University Publishing. 2006. 256 p.

Еремеева Светлана Анатольевна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации, Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; u5020@yandex.ru

A "Hotel Registration card" and a "life document": approaches to the studies of obituaries

There is the continuation of an analysis of approaches to obituaries study in modern humanitaristics (initiated by the article «"A Window into Culture" and "a Mirror of Society": approaches to obituary studies»). The attention, in this case, focuses on research in the field of postcolonial studies and memory studies. Both approaches to the study of such cultural practices as obituaries are inevitably connected with cross-cultural issues. At the same time, it became evident that there is an obvious correlation between research methods and national bereavement practice.

Keywords: obituary, postcolonial studies, collective memory

Svetlana Ereemeeva, Candidate of Culturology (PhD), Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Social Communications, School of Advanced Studies in the Humanities, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; u5020@yandex.ru